

Восточная Азия как сложный феномен (некоторые проблемы исследования)

Несмотря на устойчивую моду обсуждения проблем АТР, нет необходимости доказывать, что регион Восточная Азия играет особую роль в формировании современной повестки международных проблем уже потому, что в него входят страны с мощным экономическим или другого рода потенциалом. Нельзя не учитывать и конфликтогенное значение региона, складывавшееся исторически и в результате развития современных противоречий между теми же КНР, КНДР и США. Неудивительно, что адекватный анализ реальных обстоятельств и процессов в регионе, складывающихся в результате взаимодействия входящих в него государств и иных участников, остается одним из серьезных вызовов для научного сообщества. Кроме того, как уже показали компетентные авторы: "на уровне политических систем в целом, или "национальных государств", существует мало объектов для наблюдений... В то же время каждый из таких объектов в отдельности настолько сложен, что может поставить в тупик даже самого информированного эксперта в стране" [16, с. 729]. Что тогда говорить об уровне целых регионов? Как мы можем изучать такие сложные явления? Не случайно, достигнутые на этом поприще результаты пока не очень впечатляют. Можно отметить несколько основных причин, негативно влияющих на уровень и качество восточноазиатских исследований. Прежде всего, это кризисное состояние теории социально-гуманитарных дисциплин после осознания своих европо/западноцентристских оснований. Последствия постмодернистского вызова, вообще поставившего под сомнение научность социально-гуманитарного знания с его приверженностью меганарративам и метатеориям, еще больше усугубили разочарование в возможностях теории в осмыслении явлений современного усложненного и быстро меняющегося мира. В результате мы имеем негативный процесс теоретической фрагментации, приводящий к торжеству плюрализма, когда у нас конкурируют между собой сотни "теорий", главное достоинство которых состоит в отсутствии притязаний на сколько-нибудь серьезное обобщение. На общей волне разоблачения универсальных амбиций теорий, формировавшихся на локальных основаниях, получали признание региональная проблематика и такие направления, как анализ конкретных ситуаций, краеведение и т.д. [19].

Следует также учитывать, что отмеченные и некоторые другие негативные обстоятельства, спровоцировавшие наш теоретический кризис, были вызваны еще и "информационным взрывом" (более модно сейчас определяемым как big data). Этот "взрыв" означает, что при обсуждении сколь-нибудь значимой проблемы приходится иметь дело с таким объемом информации, который недоступен для восприятия не только одного автора, но часто и небольшого коллектива. Чтобы оценить масштаб данного явления, достаточно напомнить, что еще в начале 1970-х гг., как показал наш известный науковед А. Д. Урсул, около 95% научного знания не использовалось в исследовательской работе. Более чем половина книжного фонда Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина не была востребована читателями, положение среднего научного работника уже тогда стало таким, что для прочтения ежегодно публикуемой литературы по специальности, ему требовалось затратить более тысячи лет [20, с. 22, 124]. Понятно, что активно внедряемые информационные технологии, на которые возлагались надежды одолеть с их помощью эту "напасть", только усугубили ситуацию. Практика показывает,

как эта проблема "снимается" путем наращивания количества специализированных научных дисциплин (по некоторым данным их сейчас более 70 тыс.), создания "незримых колледжей" – школ (отбор одних данных и авторов и игнорирование остального) и просто откровенной редукцией сложной проблемы к ее отдельным составляющим. Современный энтузиазм вокруг искусственного интеллекта и цифровизации – еще один пример реакции на данную проблему с неочевидным пока результатом.

Стоит ли тогда удивляться существующим проблемам с определением собственно концепта регион и конкретно региона Восточная Азия. Нестыковка географических, геополитических, экономических, исторических и т.д. его трактовок явно не способствует пониманию сущности рассматриваемого явления. Выход, а точнее уклонение от решения обозначенной проблемы, предложили конструктивисты: определяем регион в зависимости от цели проводимого исследования. Подобная подмена привела, в частности, к тому, что позитивное стремление привнести в регионоведение принцип развития, заложенный в концепте регионостроительства, столкнулось с серьезным препятствием. Оно обусловлено неопределенностью его соотношения с другими определениями близких процессов, как то: регионализация, трансрегионализм, международная интеграция и т.д. Поэтому у нас есть характеристики состояния экономики региона и входящих в него стран, его географии, истории, политики, искусства и т.д., но что же такое Восточная Азия, Китайская Народная Республика, другие страны в своем целостном реальном существовании, не всегда понятно [3; 6; 9; 30]. Так что обладаем знанием восточных языков, имеем взгляды по поводу региона, включаемых в него стран, но где же сама реальность подлинного бытия? [22]. Обращает также внимание, что с учетом историко-географической специфики Восточной Азии изучение стран этого региона на Западе стало формироваться еще около 400 лет назад как специальная область исследований – ориенталистика (Oriental Studies). Институт востоковедения в нашей стране недавно отметил свой 200-летний юбилей. Столь раннее возникновение традиций исследований, наряду с языковыми и этническими барьерами в изучении Восточной Азии, наложило определенные ограничения на их взаимоотношения с другими научными отраслями. К тому же как-то так сложилось, что в востоковедческих – восточазиатских исследованиях теория не была особо востребована. Как признал нидерландский востоковед Ганс Кёйпер: "... синологи должны быть распущены как псевдо ученые, так как они не располагают какой-нибудь синологической теорией, факт, который тщательно скрывается от посторонних" [23, р. 6]. Наглядным примером существующего дискурса описания проблем региона является работа известного американского исследователя Г. Розмана о регионализме в Северо-Восточной Азии [27]. Перечень существующих проблем можно еще продолжать, но очевидно, что они являются не только порождением ускоряющейся динамики перемен в современном мире. Положение дел в науке усугубляется позитивистскими призывами: сначала надо проанализировать происходящее, а уж потом думать, что из этого получится обобщить. Но сегодня желательно уже работать на опережение, которое могут обеспечить только серьезные теоретико-методологические основания восточноазиатских исследований.

Между тем в ряде естественно научных областей были достигнуты существенные успехи в разработке теории исследования сложных явлений, которые отличаются не только общей масштабностью, но и разными уровнями организации своих часто неоднородных компонентов [8; 13; 18; 21; 25]. В социальных науках наиболее известным опытом реализации достижений физиков и биологов по данной проблеме является теория социальной системы немецкого социолога Н. Лумана [11]. Обращение к полученным результатам показывает, что корректная реализация идеи сложности в региональных/страновых исследованиях сопряжена с применением принципа дополнительности, она также актуализирует значение операций наблюдения и фигуры наблюдателей. На основе этой исходной идеи возникло также понятие сложные системы, анализ которых должен базироваться на применении системной методологии. [1; 8; 11]. Не случайно, знакомство с открывающимися на основе этих разработок перспективами исследований подвигло того же Г. Кёйпера на еще более жесткую критику практики китаеведения. "Изучение Китая... неверно определяется предметом исследования или оптикой рассмотрения этого

объекта. Синологи имеют дело с Китаем и общий интерес к нему, но, к сожалению, у них отсутствует научное видение этой страны... У синологов есть общий взгляд на частности, но они не позволяют им свидетельствовать как частям чего-то целого" [23, р. 6]. Он также не разделяет мнение о научной уникальности данного направления, делающего изучение страны закрытым для непосвященных. Утверждается, что "Китай является *sui generis* (единственным в своем роде – лат. А. К.) и поэтому определения, появившиеся на Западе, не применимы для него. Я хотел бы ответить встречным вопросом: "Если всё обстоит таким образом, от чего, в каком отношении(ях) и до какой степени Китай отличен?" Откуда вы знаете, что Китай является единственным в своем роде? Какая польза от разговоров о различиях, если мы не понимаем, от каких "явлений" Китай, как полагают, должен отличаться? Если эта страна была уникальной, как вы говорите, как тогда можно рассуждать или писать о ней, не применяя западные термины?" [23, р. 10]. Сам автор сначала дал определение "страны" "как большой связки или мозаики поведенческих систем, объединенных отношениями и силами в единое целое, которое должно быть выделено (а не отделено) из окружающей среды – остальной части мира". [23, р. 5] Позднее в другой своей статье он высказался уже вполне определенно: "Синологи не развивали онтологию своего объекта исследований, у них нет корпуса теоретических концептов, чтобы создать из них такую основу, как у лингвистов, литературоведов, демографов, географов, археологов, правоведов, психологов, социологов, антропологов, экономистов или политологов – специалистов, которые последовательно наращивают сотрудничество в международных и, что особенно важно, в междисциплинарных проектах, но в то же время, позволяющую отличать их от остальных научных работников" [24, р. 290]. Для него самого Китай теперь – *это сложная система сложных систем* (здесь и далее курсив мой-А. К.) [24, р. 305].

Более развинуто новые подходы, в том числе возможности системного анализа, реализует в рамках концепции *мирового комплексного регионоведения* наш известный специалист А. Д. Воскресенский [4; 5; 9; 15; 23]. В его интерпретации данное направление следует рассматривать в качестве "... комплексной, интегральной дисциплины, изучающей *закономерности процесса формирования и функционирования социально-экономической системы регионов мира* (т.е Востока и регионов Востока как части системы регионов мира) с учетом *исторических, демографических, национальных, религиозных, экологических, политико-правовых, природно-ресурсных особенностей, места и роли в международном разделении труда и системе (подсистемах) международных отношений*" [4, с. 7–8]. Конкретная реализация системного подхода к проблеме регионов, по мнению этого автора, сначала предполагает *пространственное (спатильное) членение материала*. Критерием для такой операции рассматривается внутренняя *цивилизационно-географическая и культурно-политическая логика развития восточных стран*. В свою очередь, такая логика выводится из "определения *международно-политического региона как привязанной к территориально-экономическому и национально-культурному комплексу... региональной совокупности явлений жизни, объединенных общей структурой и логикой* таким образом, что *эта логика и историко-географические координаты ее существования являются взаимобусловленными*". Предлагая свое определение региона, автор понимает *конвенциональную (условную) определенность* основных географических параметров регионов (Азия, Европа и т.д.), также как и историко-культурных их составляющих (китайской, корейской, вьетнамской и др.) [4, с. 8–9].

Воскресенский рассматривает и возможность использования кроме "цивилизационно-пространственной" ("спатильной") еще и "содержательной" ("аналитической") группировки стран. Он справедливо характеризует и последнюю, несмотря на ее название, как *конвенциональную и субъективную* подобно предыдущей – "спатильной". Более серьезный недостаток "аналитической модели" он видит в том, что она не "позволяет акцентировать внимание на *общности исторического/цивилизационного/политического развития стран региона, т.е. не позволяет в полной мере осмыслить цивилизационную общность, и одновременно специфику политических процессов* конкретных стран в рамках региона". Негативная оценка "аналитической группировки стран" соответствует выводу Воскресенского, согласно которому анализ поли-

тических отношений – и более широко социальных – сначала должен быть связан с исследованием *социальных систем, являющихся сложными адаптирующимися образованиями, поддерживаемых механизмами гомеостаза* [14, с. 14]. На следующем этапе исследования предметом анализа уже должны стать политические системы. В их определении А. Д. Воскресенский ориентировался на разработки американских авторов Д. Истона (политическая система – совокупность общественных отношений по поводу политической власти) и Г. Алмонда (понятия роли и политической культуры как взглядов и позиции людей и их групп относительно политической системы). Непосредственная процедура изучения уже социально-политических систем, т.е. фактически государств, выглядит, согласно Воскресенскому, следующим образом. Сначала "для того, чтобы подвергнуть явление системному анализу, необходимо *разделить его на систему (т.е. множество закономерно связанных друг с другом элементов, которые складываются в целостное, но несводимое просто к набору составных элементов образование)* и среду (т.е. все то, что окружает данную систему)" [14, с. 12]. После этого должны последовать операции качественного *отождествления* и количественного *различения* систем. Указанные операции предлагается проводить путем сравнения по наиболее существенным признакам, в пространственной, временной и пространственно-временной перспективе [14, с. 13]. Следующим шагом предполагалось построение типологий систем, уже проанализированных на предыдущем этапе, путем выявления *генерализованных черт данной совокупности объектов*. Разработанные типологии, по мнению автора, должны дополняться классификациями, обеспечивающими абстрагирование и обобщение на основе количественных признаков. Значение данных процедур видится в том, что "типология и классификация помогают отвлечься от различий нескольких единичных объектов и *сфокусироваться на установлении их тождества на основе одного признака либо взаимосвязанной совокупности признаков*" [14].

На основе представленной методологии анализа социально-политических систем, предполагающей в качестве отправного момента дихотомию Запад-Восток, автор приводит перечень системных характеристик стран этих двух регионов. В его понимании на Западе структурирующий характер имеют *рыночно-частнособственнические отношения*; здесь доминирует *товарное производство; отсутствует централизованная власть*; соответственно, вначале существовало демократическое самоуправление общины, впоследствии переросшее в структуру, которая в сегодняшних западных обществах получила название "гражданское общество". На Востоке же всего этого не было, "...хотя общество и создавало альтернативные структуры, противостоящие государству/власти (семья, клан, община, каста, цех, секта, землячество), но они своей определенной частью были вписаны в государство". Этот перечень системных характеристик получился у автора достаточно пространственным [14, с. 18]. Определение признаков сходства-различия, согласно мнению Воскресенского, дает возможность установить общность *структур*, которые служат основой для выделения *макрорегионов: историко-культурных, культурно-религиозных* и т.д. При этом допускается возможность аналитических группировок стран: БРИК, государства "изгой" и др. [14, с. 29]. Регионы вроде "Большого Ближнего Востока" выделяются уже на основе цивилизационной близости Ближнего (арабского) и Среднего Востока [14, с. 32]. Предполагается также, что между макрорегионами есть *буферные зоны*, отличающиеся конгломеративным и неустойчивым характером (например, Афганистан). Совокупность макрорегионов и связывающих их буферных зон определяют существующую картину миропорядка [14, с. 33–34]. Конфигурация как макрорегионов, так и всего мироустройства зависит, как полагает Воскресенский, от трансформаций *"глобального лидерства* и вызванных этим процессом *региональных трансформаций* и инициируется прежде всего глобальными игроками". В ходе взаимодействия указанных акторов, отмечает автор, "регион может возникать как *особая пространственно-временная конструкция*, укрепляющая, ослабляющая или преформатирующая мировой порядок, а варианты обоснования регионального пространства ...содержатся в концепциях суверенитета, безопасности, усиления или ослабления этнического начала, проповедании или низвержении религиозной/конфессиональной исклю-

чительности" [14, с. 30]. В качестве конкретного примера подобного регионостроительства был приведен вариант развития событий в Тихоокеанской Азии: "Смещение американских и частично западных стратегических приоритетов в Евразию и одновременное укрепление интересов Китая на его западных границах (внутренняя стратегия усиления "западных районов" КНР, подкрепленная внешнеполитической доминантой – структурирующей ролью Китая в Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС)) создают встречные потоки мировых тенденций, которые "стягивают" четыре "старых" региона – Центральную, Южную, Северо-Восточную и Юго-Восточную Азию – в единый региональный комплекс *Большая Восточная Азия*" [14, с. 35]. После определения не "аналитических", а *структурно обоснованных макрорегионов* можно переходить к заключительному этапу предлагаемой процедуры исследований: решению конкретных (частных) проблем, уже не теряя общей картины. Для того чтобы понять современную ситуацию в конкретной стране, А. Д. Воскресенский предложил: "...учитывая регионально/страновую специфику, мы неизбежно должны принимать во внимание три фактора, характеризующие соотношение общего и особенного в современном развитии, т.е. мы должны решить:

- ◆ насколько велика дистанция, отделяющая сравниваемые страны от лидеров мировой экономики, поскольку дистанция, которую нужно преодолеть, определяет последовательность постановки и решения задач политической модернизации;

- ◆ каково конкретное соотношение доминирующей идеологии, государственной политики и национальной стратегии развития в конкретном государстве;

- ◆ каковы особенности политической культуры сравниваемых стран, как они влияют на процесс складывания политической системы, какова роль традиции в политической культуре и как, напрямую или опосредованно, эти факторы влияют на траекторию развития страны" [14, с. 43–44].

- ◆ По итогам исследований автором была предложена следующая комплексно регионоведческая картина мира: "... по-видимому, сегодня с той или иной степенью определенности можно говорить о панамериканской (межамериканской), европейской, африканской, азиатской региональных подсистемах международно-политических отношений и соответствующих этим подсистемам международно-политических макрорегионах, а также о некоторых более или менее четко определяемых субрегиональных подсистемах (международно-политических регионах) – западноевропейской и восточноевропейской как частях европейской подсистемы, североамериканской и южноамериканской (или латиноамериканской) как частях панамериканской (межамериканской) подсистемы, ближне- и средневосточной, центральноазиатской, южноазиатской, юговосточноазиатской, восточноазиатской как частях азиатской (или, в ряде случаев, азиатскотихоокеанской) подсистемы международных отношений и т.д." [14, с. 8–9].

Таким образом, А. Д. Воскресенский предложил, а затем развил достаточно полную концепцию региона и значения данного образования для современного миропорядка. Заслуживает внимания его классификация возможных группировок государств в регионы: цивилизационно-пространственная, международно-политическая, аналитическая и структурная. Своевременной представляется также постановка вопроса о выделении макрорегионов, той же Большой Восточной Азии. Он справедливо отмечает, что регионы выделяются исследователями на основе сравнения системных характеристик государств, которые уже на начальном этапе должны быть отделены от окружающей среды. Автор констатировал сложный характер социально-политических систем, их способность к адаптации и поддержанию гомеостаза. К сожалению, возможности собственно современного системного анализа не были использованы А. Д. Воскресенским в полной мере. В его освещении структурная проблематика была сведена к перечню особенностей систем разных макрорегионов. Между тем эта отдельная процедура исследования, направленная на установление наиболее прочных и устойчивых связей и отношений в системе. Он не знаком с проблемой системного самовоспроизводства (аутопóйесиса), которая обладает гораздо большим потенциалом, чем идея гомеостаза, указывая на ту же роль границ системы в этом процессе. Не случайно одно

из определений уже учитывает это свойство: "В наиболее общем виде *система* может быть определена как *комплекс взаимодействующих компонентов* вместе с отношениями между ними, которые делают возможным *распознавание поддерживающих свои границы целостных образований или процессов*" [25, р. 47]. Только признание аутопóйесиса предписывает не только распознавать системные границы, но вести наблюдение за состоянием среды и внутренними процессами в самой системе [11].

Следовательно, в свете современных представлений, при анализе сложных общественно-политических систем мы должны четко проводить различие между конвенциональными (условными) системами, предлагаемыми разными авторами без достаточных оснований, и реальными их вариантами, которые характеризуются сложившимися структурами и могут обеспечивать свое самовоспроизводство. Если придерживаться предложенного понимания системы, нельзя согласиться с Г. Розманом, который считал, что Северо-Восточная Азия в 1990-х гг. уже стала регионом, в котором в результате изменения баланса основных сил целое стало больше составляющих его частей, т.е. образовала систему, несмотря на балансирование между глобализацией и национализмом [27, р. 1]. Сохранение негативной исторической памяти в отношениях между государствами региона, корейская ядерная проблема, опасения растущей мощи Китая со стороны традиционных его соседей, активная роль внешних игроков и, прежде всего, США, особое положение России и ряд других обстоятельств позволяют согласиться с другим утверждением этого автора – мы имеем здесь "заторможенный регионализм". Тем более у нас нет достаточных оснований рассуждать о подлинно системном состоянии Восточной Азии, и более приемлема точка зрения С. В. Севастьянова, согласно которой это еще формирующийся регион [17]. Тогда становится понятно, почему здесь сохраняются серьезные проблемы с интеграцией и государства предпочитают устанавливать билатеральные отношения друг с другом.

Потенциал общей теории систем в решении восточноазиатских проблем не ограничивается только этим результатом. Так, использование концепции аутопóйесиса позволяет дать ответ на вопрос, поднятый Г. Кейпером: в какой мере понятийный аппарат и методология анализа, созданные на Западе, приемлемы для изучения реалий других частей Света. Как было уже отчасти продемонстрировано, исследование на уровне систем, их структур можно вести на основе инструментария западного происхождения – теории сложных систем. Совершенно другая ситуация получается при обсуждении внутрисистемных обстоятельств конкретных социально-политических систем (государств), специфика которых состоит в активной роли человека (людей) в их функционировании и воспроизводстве. Поэтому, для корректного анализа таких ситуаций положения концепции системного самовоспроизводства должны быть переинтерпретированы с учетом современных антропологических данных. Общие характеристики операций наблюдения и осуществляющих их субъектов – наблюдателям были разработаны в физике и биологии, включая необходимость внешнего (из среды и за средой) и внутреннего наблюдения системы. Обоснована также роль *наблюдателей первого порядка*, непосредственно взаимодействующих с доступными для них фрагментами сложной реальности, и *второго порядка*, которые должны систематизировать результаты наблюдений своих предшественников для создания общей картины изучаемых сложных явлений и объектов [1; 8; 11].

Основные требования к наблюдателям сложных общественно-политических систем, занятых собственно научными исследованиями, тоже обсуждаются в литературе. Так, итальянский политолог Д. Дзоло сформулировал: "Эпистемологическое исследование общего смысла научного знания *можно начать* только с *интерпретации исследователями своей индивидуальной символической Вселенной*, которую можно назвать "парадигмой", "дисциплинарной матрицей", "образом мысли" или *Denkkollektiv (мыслительный коллектив – А. К.)*... [7, с. 43]. Российские философы показали особенности их деятельности на более высоком уровне: "Задача такого сложного наблюдателя (наблюдателя второго порядка) состоит в том, чтобы осуществлять *семиотическое шивание контекстов в сложностно* эволюционирующим мире. Итак, идея контекстности подразумевает переход к *нарративности*. Эта идея не может быть сформулирована в строгих математических формулах

или в виде набора тематически манипулированных моделей. Здесь начинает заявлять свои права *художественное творчество*, возникают *эмпатические свойства*, не принадлежащие ни субъекту, ни объекту" [1, с. 80]. Говоря другими словами, все участники наблюдений должны отдавать себе и другим отчет в своих исходных основаниях, на базе которых они будут проводить наблюдение, и фиксировать его результаты. А вот затем другие – собственно *системные наблюдатели* должны будут из этих разрозненных описаний "сшивать" нарративы сложного. При этом, как показал уже французский специалист Э. Морен, им приходится сталкиваться с нетривиальными ситуациями, когда *"обнаружение противоречий и антиномий"* является для нас сигналом того, что мы сталкиваемся с *глубинами реального... Единственная реальность, которая доступна нашему познанию, со-производится человеческим сознанием, силой его воображения. Реальное и воображаемое сотканы, сплетены воедино, образуя ложный комплекс нашего бытия, нашей жизни... Человеческая реальность сама по себе является полувоображаемой. Эта реальность строится человеком, и она является лишь частично реальной"* [10]. Значение приведенных уточнений станет более понятным, если вспомнить ранее установленное Э. Саидом явление *ориентализма*, т.е. представлений о Востоке у американских, британских, французских авторов, работавших в разных странах этого региона и оставивших свои описания, очень часто мало соответствующие реальности [26].

В терминологии, принятой для описания системного наблюдения, следует говорить о *специалистах междунарниках, регионоведах и страноведах* как *внешних наблюдателях*, которые на своем *ограниченном опыте* пытались судить о сложных образованиях, очень отличных от привычной для них реальности. Отсюда и это постмодернистское неудобство, которое заставляет уточнять, что речь идет о взгляде из России, США и еще откуда-нибудь. Очень показательно в этом отношении также исследование хабаровских авторов об изменении представлений о Китае в разных регионах России, в зависимости их отдаленности от границы [2]. Кроме того, следует учитывать, что информацию о состоянии своей системы, реальном положении дел в государстве не всегда делают открытой для таких внешних наблюдателей. Можно ли рассчитывать при таких обстоятельствах на полностью достоверные результаты? Не стоит обольщаться и в отношении возможностей *внутренних наблюдателей*, т.е. уроженцев и резидентов определенной страны. Конечно, такие описания будут более соответствовать принятым здесь нормам и условиям общественно-политической жизни с поправкой на "дисциплинарные матрицы" их создателей. Проблема будет в том, что это будут результаты *ограниченных наблюдений*, из которых *механически* не может быть составлена *общая картина*. В идеале для того, чтобы получить реалистическое представление о таких сложных явлениях, как большое государство, а тем более регион, нам необходимы "метанарративы", которые должны разработать *наблюдатели второго порядка*.

Под наблюдателями второго порядка следовало бы подразумевать *теоретиков*, но, учитывая современное состояние теоретических оснований дисциплин, связанных с изучением Восточной Азии, приходится констатировать, что в этом отношении у нас, несмотря на предпринимавшиеся попытки А. Д. Воскресенского и некоторых других авторов, если не полный провал, то масса недоработок. В столь непростой ситуации следует уделить более серьезное внимание появлению *незападных теорий международных отношений*, в том числе российских, китайских, индийских и других [28]. Возникнув как реакция на издержки канонических (западных, точнее американских) теорий (реализм, идеализм и их модификации), этот новый опыт теоретизирования имеет особую значимость, потому что он является результатом деятельности *внутренних наблюдателей*. Поэтому в ситуации описания сложных систем незападные оценки не могут не отличаться от видения *внешних* по отношению к ним западных специалистов-наблюдателей. Очевидно, что на современном этапе перед социально-гуманитарной наукой возникает новая, очень непростая задача. Она заключается в сравнительном анализе западных и незападных теорий с позиций *сложного "антропологического" перевода* для того, чтобы сформировать новые теоретические основания, свободные от *методологического национализма*, при котором концепции, сформированные

в условиях одной социально-политической реальности, механически переносятся на реалии других стран и регионов. Понятно, что реализация предлагаемой программы исследований – это очень серьезная проблема, но, как показывает тот же пример В. В. Малявина по экзегезе самоописаний китайских авторов для российской аудитории, она может быть решена, если ею специально заниматься [12]. Подготовленные таким образом данные можно будет использовать для составления "нарративов", описывающих сложные явления в их целостном выражении. Однако для того, чтобы их создавать, наши наблюдатели сложности должны отвечать еще одному требованию – владеть *системным мышлением*.

В целом представленная позиция решения научных проблем хорошо согласуется с концепцией многополярного миропорядка и признанием значимости регионоведения как нового междисциплинарного направления. Специфика же ее заключается в том, что предлагается анализировать результаты очень разных наблюдений, являющихся осмыслением определенных реалий. Рассматриваемые различия уже проявили себя во время биполярной организации миропорядка, когда многие проблемы упрощенно рассматривались через оптику противостояния коммунистической и капиталистической идеологий. Не случайно, осознание тупика в этом противостоянии вызвало к жизни концепцию мирного существования различных систем. В настоящее время ситуация очень усложнилась, т.к. несмотря на стремление к формированию однополярной системы средствами глобализации, на мировой арене появились государства – новые региональные лидеры, которые, в силу специфики своей организации, предлагают свое видение нового международного порядка. Поэтому без полноценного диалога по основным проблемам межгосударственных отношений и будущего мироустройства не удастся устранить обнаружившиеся серьезные противоречия в современном мире. Для успеха в этом начинании требуется не только политическая воля, но и новое слово со стороны науки, способной оперировать не просто большими данными, но с реальной сложностью общественно-политических систем и их различных объединений. Решать такие задачи можно будет на основе больших теорий, основанных на общих положениях современной системной теории.

Литература

1. Аршинов В. И., Свирский Я. И. Сложный мир и его наблюдатель. Часть 1 // Философия науки техники. 2015. Т. 20. № 2. С. 70–84.
2. Бляхер Л. Е., Григоричев К. В. Вглядываясь в зеркала: смысловые трансформации образа Китая в Российском социуме // Полития. 2015. № 1 (76). С. 24–38.
3. Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). М.: Конверт-МОНФ, 1997. 353 с.
4. Воскресенский А. Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2007. 190 с.
5. Воскресенский А. Д. Глава 30. Регионализм как парадигма мироустройства / А. Д. Воскресенский // Современная политическая наука. Методология. Под ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 675–695.
6. Восточная Азия: между регионализмом и глобализмом / отв. ред. Г. И. Чуфрин. М.: Наука, 2004. 282 с.
7. Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. 320 с.
8. Диалектика познания сложных систем. М.: Мысль, 1988. 317 с.
9. Case-study: Регион Восточной Азии в мировых политических и экономических процессах // Сравнительная политика. 2010. № 2. С. 72–86.
10. Князева Е. Н. Эдгар Морен в поисках метода познания сложного // Морен Э. Метод. Природа природы. Пер. с французского Е. Н. Князева. М. Прогресс-традиция, 2005. 464 с.
11. Луман Н. Общество как социальная система. М.: "Логос", 2004. 232 с.
12. Малявин В. В. К пониманию глобальной стратегии Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 6. С. 96–108.
13. Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
14. Методологические основы научного дискурса // Сравнительная политика. 2010. № 2. С. 13–17.

15. Мировое комплексное регионоведение. Введение в специальность. Учебник / Под ред. проф. А. Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2015. 448 с.
16. Рейджин Ч., Берг-Шлоссер Д., Мёр Ж. де. Политическая методология: качественные методы // Политическая наука: новые направления. М.: Вече, 1999. С. 729–748.
17. Севастьянов С. В. "Новый регионализм" Восточной Азии: теоретические и практические аспекты // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 111–122.
18. Системный подход в современной науке. К 100-летию Людвиг фон Бергта-ланфи. Отв. редакторы И. К. Лисеев, В. Н. Садовский. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 566 с.
19. Смирнягин Л. В. Районы США. Портрет современной Америки. М.: Мысль, 1989. 379 с.
20. Урсул А. Д. Проблема информации в современной науке. Философские очерки. М.: Наука. 1975. 279 с.
21. Blauberg I. V., Sadovsky V. N., Yudin E. G. Systems Theory. Philosophical and Methodological Problems. Moscow: Progress Publishers, 1977. 318 p.
22. Frost E. L. Asia's New Regionalism. London: Lynne Rienner Publishers, 2008. 293 p.
23. Kuijper H. Is sinology a science? // China Report. 2000. № 36. Vol. 3. P. 331–354.
24. Kuijper H. What's wrong with the study of China/countries // Asian Studies. 2014. II (XVIII). № 1. P. 151–185.
25. Laszlo A., Krippner S. Systems Theories: Their Origins, Foundations, and Development // System Theories and A Priori Aspects of Perception. Amsterdam: Elsevier Science, 1998. P. 47–74.
26. Said E. Orientalism. NY: Vintage Books, 1979. 376 p.
27. Rozman G. Northeast Asia's Stunted Regionalism. Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization. NY.: Cambridge University Press, 2004. 401 p.
28. Voskressenski A. D. Non-Western Theories of International Relations. Conceptualizing World Regions Studies. Palgrave Macmillan, 2017. 271 p.
29. Voskressenski A. D. Transregionalism and Regionalism: What Kind of a Balance Do We Need, and Its Consequences for Practical Policies // Alexei D. Voskressenski & Boglarks Koller // The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Langham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield: Lexington Books, 2019. P. 3–21.
30. Wirth C. China, Japan, and East Asian regional cooperation: the views of 'self' and 'other' from Beijing and Tokyo // International Relations of the Asia-Pacific. 2009. Vol. 9. P. 469–496.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Arshinov V. I., Svirskij Ya. I. Slozhnyj mir i ego nablyudatel'. CHast' 1 // Filosofi-ya nauki tekhniki. 2015. T. 20. № 2. S. 70–84.
2. Blyakher L. E., Grigorichev K. V. Vglyadyvayas' v zerkala: smyslovye transformatsii obraza Kitaya v Rossijskom sotsiume // Politija. 2015. № 1 (76). S. 24–38.
3. Bogaturov A. D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriya i teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij v Vostochnoj Azii posle vtoroj mirovoj vojny (1945–1995). M.: Konvert-MONF, 1997. 353 s.
4. Voskresenskij A. D. Politicheskie sistemy i modeli demokratii na Vostoke. M.: ASPEKT PRESS, 2007. 190 s.
5. Voskresenskij A. D. Glava 30. Regionalizm kak paradigma miroustrojstva /A. D. Voskresenskij // Sovremennaya politicheskaya nauka. Metodologiya. Pod red. O. V. Gaman-Golutvina, A. I. Nikitin. 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. M.: Aspekt Press, 2019. S. 675–695.
6. Vostochnaya Aziya: mezhdru regionalizmom i globalizmom / otv. red. G. I. Chufrin. M.: Nauka, 2004. 282 s.
7. Dzolo D. Demokratiya i slozhnost': realisticheskij podkhod. M.: Izd. dom GUVSHEH, 2010. 320 s.
8. Dialektika poznaniya slozhnykh sistem. M.: Mysl', 1988. 317 s.
9. Case-study: Region Vostochnoj Azii v mirovykh politicheskikh i ehkonomicheskikh protsessakh // Sravnitel'naya politika. 2010. № 2. S. 72–86.
10. Knyazeva E. N. Ehdgar Moren v poiskakh metoda poznaniya slozhnogo // Moren Eh. Metod. Priroda prirody. Per. s frantsuzskogo E. N. Knyazeva. M. Progress-traditsiya, 2005. 464 s.
11. Luman N. Obshhestvo kak sotsial'naya sistema. M.: "Logos", 2004. 232 s.
12. Malyavin V. V. K ponimaniyu global'noj strategii Kitaya // Problemy Dal'nego Vostoka. 2019. № 6. S. 96–108.
13. Maturana U., Varela F. Drevo poznaniya. M.: Progress-Traditsiya, 2001. 224 s.

14. Metodologicheskie osnovy nauchnogo diskursa // *Sravnitel'naya politika* 2010. № 2. S. 13–17.
15. *Mirovoe kompleksnoe regionovedenie. Vvedenie v spetsial'nost'*. Uchebnik / Pod red. prof. A. D. Voskressenskogo. M.: Magistr: INFRA-M, 2015. 448 s.
16. Rejdzhin CH., Berg-Shlosser D., Myor Zh. de. Politicheskaya metodologiya: kachestvennye metody // *Politicheskaya nauka: novye napravleniya*. M.: Veche, 1999. S. 729–748.
17. Sevast'yanov S. V. "Novyj regionalizm" Vostochnoj Azii: teoreticheskie i prakticheskie aspekty // *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2009. № 4. S. 111–122.
18. *Sistemnyj podkhod v sovremennoj nauke. K 100-letiyu Lyudviga fon Bertalanfi*. Otv. redaktory I. K. Liseev, V. N. Sadovskij. M.: Progress-Traditsiya, 2004. 566 s.
19. Smirnyagin L.V. *Rajony SSHA. Portret sovremennoj Ameriki*. M.: Mysl', 1989. 379 s.
20. Ursul A. D. *Problema informatsii v sovremennoj nauke. Filosofskie ocherki*. M.: Nauka. 1975. 279 s.
21. Blaumberg I. V., Sadovsky V. N., Yudin E. G. *Systems Theory. Philosophical and Methodological Problems*. Moscow: Progress Publishers, 1977. 318 p.
22. Frost E. L. *Asia's New Regionalism*. London: Lynne Rienner Publishers, 2008. 293 p.
23. Kuijper H. Is sinology a science? // *China Report*. 2000. № 36. Vol. 3. P. 331–354.
24. Kuijper H. What's wrong with the study of China/countries // *Asian Studies*. 2014. II (XVIII). № 1. P. 151–185.
25. Laszlo A., Krippner S. *Systems Theories: Their Origins, Foundations, and Development* // *System Theories and A Priori Aspects of Perception*. Amsterdam: Elsevier Science, 1998. P. 47–74.
26. Said E. *Orientalism*. NY: Vintage Books, 1979. 376 r.
27. Rozman G. *Northeast Asia's Stunted Regionalism. Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization*. NY.: Cambridge University Press, 2004. 401 p.
28. Voskressenski A. D. *Non-Western Theories of International Relations. Conceptualizing World Regions Studies*. Palgrave Macmillan, 2017. 271 p.
29. Voskressenski A. D. *Transregionalism and Regionalism: What Kind of a Balance Do We Need, and Its Consequences for Practical Policies* // Alexei D. Voskressenski & Boglarka Koller // *The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia*. Langham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield: Lexington Books, 2019. P. 3–21.
30. Wirth C. *China, Japan, and East Asian regional cooperation: the views of 'self' and 'other' from Beijing and Tokyo* // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2009. Vol. 9. P. 469–496.

Кузнецов А. М. Восточная Азия как сложный феномен (некоторые проблемы исследования).

В статье обсуждаются перспективы использования принципа сложности в регионоведческих исследованиях. Основное значение, которое дает предлагаемый подход, заключается в анализе различных описаний регионов и их составных компонентов с учетом характеристик составивших их наблюдателей и их позицию по отношению к региону. В заключении предлагается вывод, согласно которому для формирования целостного представления о регионах необходимы еще наблюдатели второго порядка, которые на основе теории региона как сложного явления смогут обобщать данные первичных наблюдателей.

Ключевые слова: *Восточная Азия, регион, сложность, теория, наблюдение, наблюдатель*

Kuznetsov A. M. East Asia as a Complex Phenomenon (Some Issues of Investigation).

The article discusses the prospects of using the principle of complexity in regional studies. The main value that the proposed approach gives is the analysis of various descriptions of the regions and their components, taking into account the characteristics of the observers who compiled them and their position in relation to the region. The conclusion is proposed that, for the formation of a holistic view of the regions, second-order observers are also needed, which, based on the theory of the region as a complex phenomenon, will be able to generalize the data of primary observers.

Key words: *East Asia, region, complexity, theory, observation, observer*

Для цитирования: Кузнецов А. М. Восточная Азия как сложный феномен (некоторые проблемы исследования) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 8–18. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/8-18

For citation: Kuznetsov A. M. East Asia as a Complex Phenomenon (Some Issues of Investigation) // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 2. P. 8–18. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/8-18

